

СОВЕТСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ РЕЛИГИИ В 60–70х гг. XX ВЕКА: ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ*

Е. В. ОРЕЛ

Представленный небольшой очерк посвящен истории становления психологии религии в СССР. Автор концентрируется на анализе исторического, социально-го, идеологического контекста, т. е. тех специфических условий начала 1960-х гг., когда отечественные гуманитарные мыслители обратились к теме психологии религии. Особое внимание уделяется роли так называемой хрущевской «оттепели» в становлении и развитии данного научного направления. Ключевая метафора текста: пространство становления психологии религии в СССР — своеобразная «полюнья» среди холодных льдов советской диктатуры. Дается характеристика основных тенденций и тем в рамках теоретических дискуссий по психологии религии 1960-х — начала 1970-х гг. Идеологическое толкование места и роли психологии религии в советской науке приводится по материалам работ одного из самых влиятельных авторов того периода — Д. М. Угриновича. Выдвигается предположение, что со сменой идеологического фона в начале 1970-х гг. отказ большинства авторов от работы в этом направлении и «переключение» на проблематику социологии религии был вполне закономерен.

Главный тезис нашей статьи: советская психология религии в 1960-е гг., как ни парадоксально это звучит, была своеобразным детищем “оттепели”¹, и именно “оттепели” обязана она своим существованием, хотя хронологически несколько «запаздывает» и общим обликом своим в то, что мы привыкли связывать с “оттепелью”, не вписывается. В каком смысле детище “оттепели”? Для ответа на этот вопрос обратимся к тем внешним условиям, к историческому фону, на котором она возникла и развивалась.

Обычно под оттепелью подразумевается время, когда «разрешили то, что раньше было запрещено». Но едва ли можно говорить, что за 10–15 лет до “оттепели” исследования в области психологии религии были напрямую запрещены. Скорее всего, прямого запрета не было. Но они не были востребованы, это было

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ (РФФИ) «Психология религии в России XIX — начала XXI века» (проект № 16-03-00799).

¹ Теме «оттепели» посвящено огромное количество работ. См., например: *Бурлацкий Ф.* После Сталина. Заметки о политической оттепели // *Новый мир.* 1988. № 10; *Пихоя Р.* Медленно тающий лед (март 1953 — конец 1957г.) // *Международный исторический журнал.* 2000. № 7.

не в духе времени, что вполне понятно. Это объяснялось общими особенностями советской идеологии, на которых остановимся подробнее.

Надо отметить, что советская официальная идеология в целом имела важную предпосылку к тому, чтобы напряженно относиться к любой психологии; она имела глубокую тенденцию к экстраверсии во многих отношениях. Психология была создана экстравертами для экстравертов и с тем, чтобы воспитывать экстравертов. Особенно это заметно в том образе идеального советского человека, который насаждался официальной пропагандой, — такой образ четко вписывается в рамки «экстравертированного интеллектуального типа», как его характеризует К. Г. Юнг. А именно: глубоко усвоивший и всем сердцем принявший идеи марксизма-ленинизма, этот человек подчиняет служению им и свою собственную жизнь, и жизнь всех, кто рядом с ним и на кого он может повлиять, требует преданности этой идее от себя и от других. Он «морально устойчив», то есть не испытывает колебаний, не знает смены настроений, переживает только те эмоции, которые связаны с его служением обществу и этим обществом предусмотрены. Радуетя тому, чему предписано радоваться, и огорчается тоже по предписанным поводам. *Если переживает, то только по поводу успехов или проблем в труде, в социалистическом соревновании.* Он не знает собственного спонтанного субъективного процесса, а если и обнаруживает таковой, то получает заслуженное порицание товарищей как слабак и нытик, допустивший непростительную слабость. *Его ценности целиком сформированы внешней средой и внедрены в него коллективом; слово «субъективный» в этом контексте приобретает негативный оттенок (и чаще всего по значению совпадает со словами «ошибочный» и «эгоцентричный»).* Его деятельность целиком подчинена этим извне усвоенным ценностям, все выносимые им оценки продиктованы внешними нормами. Для внешнего наблюдателя он понятен и прозрачен, потому что ничего внутреннего, субъективного или, не приведи бог, иррационального в его мыслях, переживаниях, эмоциях нет. Говорить о психологии такого человека практически не имеет смысла, потому что психология так или иначе выйдет на вопрос о субъективном, а этого вопроса идеологии как раз не нужно. Не хочет идеология знать о существовании субъективного, внутреннего, не втиснувшегося в прокрустово ложе внешнего человека. Изучать субъективное — значит, как-то считаться с ним, придавать ему слишком большое значение, (раздувать его — скажет идеолог), а этого как раз и не нужно.

Еще хуже обстоит дело с отношением к субъективному миру тех, кто принципиально «по другую сторону баррикад», — в нашем случае к психологии верующих. Если пытаться разбираться с их эмоциями, настроениями, мышлением, с тем, что их утешает, что радует, можно встретить и утверждения о том, что человек — это личность, что существует понятие ценности личности и до других подобных нетерпимых вещей.

Все вышесказанное нигде не было прописано напрямую. Это было не в сформулированных, осознаваемых принципах идеологии, а в подтексте, осуществлялось почти инстинктивно. В области общей психологии различия в «духе времени» между 1950-ми и 1960-ми годами сказались очень заметно. До сих пор психологи, пережившие это время, с дрожью в голосе вспоминают о том, что

происходило в их науке в послевоенные годы. По выражению одного историка психологии, коммунистическая партия сразу же после войны продолжила свою борьбу, «за уничтожение человека в человеке»². Кульминационным моментом этой борьбы стала так называемая Павловская сессия (1950 г., Объединенная научная сессия Академии наук СССР и Академии медицинских наук, посвященная проблемам физиологического учения И. П. Павлова). Выдвигался тезис о необходимости ликвидации психологии как таковой и замены ее на физиологию высшей нервной деятельности. Павловское учение получило официальный статус «правильного, последовательного, материалистического», а все другие точки зрения получали статус ложных и враждебных, достойных разгрома и уничтожения.

На знаменах материалистической науки о человеке было начертано слово «рефлекс». Учение о рефлексах, конечно, имеет огромное значение для физиологии; в психологическом же аспекте оно означает следующее: действия организма (подразумевается — «все действия организма», то есть и то, что мы в простоте душевной называем поступком, поведением, иногда подвигом) происходят автоматически, как реакция на определенные раздражители, независимо от того, что при этом думает или чувствует, или хочет сделать субъект. И это значит, что субъективное — то, что является субъекту, — реально на поведение этого самого субъекта никак не влияет; свободная воля, выбор, ценности — все это лишь иллюзии, а на самом деле существуют только условные и безусловные рефлексы, научение, стимул-реактивные пары.

В этой обстановке едва ли было возможно проявить исследовательский интерес к психологии верующих. Повторю, насколько мне известно, прямого запрета, партийной директивы, направленной против психологии религии, скорее всего не существовало. Существовало, однако, идеологическое чутье и умение держать нос по ветру, которое подсказывало, что и запроса на подобные исследования в текущий момент быть не может.

Только с наступлением хрущевской «оттепели» общая психология стала освобождаться от этого морока³, возвращая себе былые позиции. В психологию вернулась и расцвела тема личности, психологи обратились к исследованию ее эмоций, переживаний, установок, ценностей; стало возможным говорить о нравственной ответственности, о чувстве трагического, о проблеме любви, смерти и о других экзистенциальных проблемах. Выступили со своими исследованиями такие ученые, как С. Л. Рубинштейн, П. Я. Гальперин, Д. Б. Эльконин, А. Н. Леонтьев; со стороны философии эту тенденцию — тенденцию к открытию или вновь обретению человеческого в человеке — поддержала целая плеяда молодых философов — М. К. Мамардашвили, Г. С. Батищев, Г. П. Щедровицкий и др. «Если продолжить аналогию с ранней весной, оттепелью, то можно ска-

² Братусь Б. С. Место человека в истории отечественной психологии // Начала христианской психологии: Учеб. пособие для вузов / Б. С. Братусь, В. Л. Воейков, С. Л. Воробьев, ред. М., 1995. С. 19.

³ Однако хрущевская эпоха также была связана с усилением антирелигиозной кампании (см.: Huhn U. Die Wiedergeburt der Ethnologie aus dem Geist des Atheismus. Zur Erforschung des «zeitgenössischen Sektierertums» im Rahman von Chruscevs antireligiöser Kampagne // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2016. Bd. 64. S. 260–298).

зять, что сковывающий лед сталинской диктатуры стал постепенно таять, образовались первые трещины, полыньи на ледяной поверхности, в которых можно было, пусть и в ограниченных пространствах, двигаться свободно. Это не была, конечно, полная свобода, айсберги оставались и казались незыблемыми в своей мощи, но после сковывающего льда и невозможности пошевелиться эта, даже ограниченная, воля казалась великим достижением»⁴.

Такой «полыньей» (одной из) и было, на наш взгляд, то пространство, в котором вновь возникла и начала обретать определенные черты отечественная психология религии. Правда, это была очень малая полынья, это была очень осторожная версия оттепели, очень робкая, очень послушная официальной линии партии; как ни парадоксально это прозвучит, но это была «оттепель внутри самой идеологии», попытка самой официальной идеологии стать чуть свободнее внутри себя, попытка в некоторых частных вопросах трансформировать себя изнутри, не разрывая с собственными основными положениями. Именно поэтому главная интенция этого периода отечественной психологии религии — выстроить основные постулаты новой области исследования таким образом, чтобы они вписались в официальную марксистскую доктрину. Тут как бы двуединый процесс: с одной стороны, мы хотим плотка свободы, но, с другой стороны, ни в коем случае не будем потрясать устои; с одной стороны, мы верны своему идеологическому кредо, продолжаем быть рыцарями и оруженосцами официальной идеологии, а с другой стороны, давайте посмотрим, нельзя ли немного расширить рамки этой самой идеологии. Причем не вызывает сомнения, что абсолютное большинство авторов, выступивших в психологии религии в этот период, были совершенно искренними адептами системы и вполне серьезно надеялись своими исследованиями внести вклад именно в атеистическое воспитание, ничуть не ощущая себя диссидентами и оппозиционерами, а только новаторами, развивающими и обогащающими марксистско-ленинское учение. Может быть, именно поэтому тренд к развитию психологии религии переживет «оттепель» и сохранится в силе еще долго, после того как «оттепель» сойдет на нет, почему мы и можем говорить об отечественной психологии религии 70-х и даже (немного) 80-х годов.

Если подойти к этому периоду с точки зрения хронологии, то события развивались следующим образом. В 1940–1950-е гг. публикаций по психологии религии практически нет (нам удалось найти только статью М. И. Шахновича «О «психо-аналитическом методе» изучения первобытной религии»⁵). В 1961 г. в журнале «Вопросы философии» появляется статья Д. М. Угриновича «Атеистическое воспитание и преодоление религиозной психологии»⁶. Это был как бы «пробный камень», очень аккуратная попытка вбросить тему. Даже название говорящее, подчеркнуто осторожное: атеистическое воспитание на первом месте, а слово «психология» в самом конце и, конечно, в соседстве со словом «преодо-

⁴ Братусь. Указ. соч. С. 21.

⁵ Шахнович М. И. «О «психо-аналитическом методе» изучения первобытной религии (по поводу статьи А. А. Попова) // Советская этнография. 1958. № 5. С.71–76.

⁶ Угринович Д. М. Атеистическое воспитание и преодоление религиозной психологии // Вопросы философии. 1961. № 4.

ление». Проба оказалась удачной: так или иначе, атеистическое сообщество получило сигнал, что теме дан «зеленый свет», и наступает всплеск интереса к этой области исследования, которая — заметим — воспринимается как совершенно новая. То есть о том, что психология религии развивается на Западе, кое-что знали и об этом писали, но о довоенных отечественных исследованиях или не знают почти совсем, или не признаются в этом.

Единственный обнаруженный нами намек на осведомленность, на присутствие чего-то подобного психологии религии и в довоенное время — это наличие в Краткой библиографии к программному сборнику «Вопросы научного атеизма» (№ 11. 1971 г.) трудов П. А. Красикова, А. В. Луначарского, Н. К. Крупской, И. И. Скворцова-Степанова, Е. М. Ярославского, хотя при этом и не названы их конкретные произведения, а приведены названия общих сборников, например «Из атеистического наследия» или «Избранные атеистические произведения». В этой же библиографии (сборник, датируемый 1971 годом, как бы подводит итог десятилетию развития психологии религии в Советском Союзе) упомянуты несколько десятков недавних публикаций по психологии религии, среди них нет ни одной раньше 1961 г. (за исключением уже упомянутой статьи М. И. Шахновича). И в предисловии, и в статьях многих авторов прямо говорится, что марксистская психология религии — область новая, так сказать, непаханая целина, которую теперь наконец-то начали осваивать, и даже подводится под это обстоятельство идейная база, что необходимость в психологическом изучении религии появилась только теперь, потому что созрели социальные предпосылки такого поворота в исследованиях, в силу чего осознается потребность в них и в атеистической теории, и в атеистической практике, а прежде потребности были иные, потому что был иной социальный фон⁷.

К. К. Платонов в своей статье в упомянутом сборнике замечает: «...еще в первой половине 60-х годов понятия “религиозная психология” и “психология религии”, не различаясь, исключались из объема понятий марксистского религиоведения. Так, из двух словарей терминов научного атеизма, вышедших в 1964 г., в одном этих слов не было совсем, а в другом психология религии определялась как “течение в буржуазной психологии”»⁸. Даже во втором издании первого из названных словарей (1969), где уже напечатана статья Платонова «Психология религиозная», термин «психология религии» раскрывается также и в статье «Религиоведение буржуазное».

Среди наиболее активных авторов, которые выпускают (в это время?) не только многочисленные, но и выдающиеся по значению публикации, можно назвать Д. М. Угриновича, М. А. Попову, К. К. Платонова, И. Н. Яблокова.

В трудах Д. М. Угриновича особенно заметно стремление остаться в рамках официальной идеологии, не погрешить против официального марксизма. Его роль в рассматриваемом процессе — доминантная, лидирующая. Угринович целенаправленно обрисовывает круг вопросов, по которым пройдет демаркационная линия между «правильной» и «неправильной» (марксистской и немарксист-

⁷ Предисловие // Вопросы научного атеизма. 1971. № 11. С.

⁸ Платонов К. К. Психологические корни религии // Вопросы научного атеизма. М., 1971. Вып. 11. С. 29.

ской, буржуазной) психологией религии, на которые надо дать раз и навсегда правильный ответ, превратив эти ответы в аксиомы и практически запретив выходить за очерченные таким образом рамки.

Первую проблему он формулирует как «соотношение гносеологического и психологического анализа религиозной психики»⁹. Речь идет о неприятии известного нам принципа исключения трансцендентного, или объективистского, подхода, который призывает отказаться от решения вопросов об истинности религиозного суждения. «Психологические особенности религиозных людей можно выяснить лишь при условии содержательного анализа их психики, т. е. выявления того специфического предмета их веры, который мы характеризуем общим понятием “сверхъестественное”. Без учета гносеологической оценки специфического предмета религиозной веры как объекта вымышленного, фантастического, иллюзорного психология религии не может научно решить ни одной своей проблемы. Только с этих методологических позиций можно выявить отличие религиозной веры от безрелигиозной, показать, какой вред наносят религиозные верования развитию личности, какую специфическую направленность они придают человеческому мышлению, чувствам и воле, как влияют на поведение человека»¹⁰.

Вторая проблема — соотношение индивидуального и социального в психике религиозного человека. Угринович подчеркивает, что «все содержание психики индивида есть порождение и отражение его взаимодействия с окружающим миром, в том числе с социальной средой. Вера в сверхъестественное в этом плане не отличается от других феноменов сознания. Она формируется в процессе социализации индивида, в ходе влияния на него как социально-психологических (воспитание в семье, воздействие религиозной общины и т. п.), так и идеологических факторов (чтение религиозной литературы и т. п.)»¹¹.

Третий аспект — соотношение в структуре психики верующих различных компонентов, а именно эмоциональных, познавательных и волевых процессов, сознания и бессознательного. «Марксистская психология не отрицает существования бессознательных (неосознанных) процессов и явлений в человеческой психике. Наличие таких процессов и явлений доказано в настоящее время экспериментально. Не отрицает она и того, что бессознательные проявления человеческой психики играют значительную роль в системе религиозной веры. Однако из этого не следует, во-первых, что именно бессознательная сфера психики является главным источником религиозной веры и, во-вторых, что религиозная вера в любых повседневных ее проявлениях предполагает доминирование бессознательного над сознанием»¹². Согласно Угриновичу, «на уровне физиологии высшей нервной деятельности невозможно выявить психологические особенности верующих, отличающие их от неверующих»¹³.

⁹ См. подробнее: Угринович Д. М. О предмете психологии религии и ее месте в системе наук // Вопросы научного атеизма. М., 1971. Вып. 11. С. 9–28.

¹⁰ Угринович Д. М. Психология религии. М., 1986. С. 16.

¹¹ Там же. С. 17.

¹² Угринович Д. М. Философские проблемы критики религии. М., 1965. С. 147.

¹³ Там же. С. 143.

Среди идеологически значимых вопросов ключевым в интерпретации Угриновича является *вопрос о месте психологии религии в системе наук*. С точки зрения Угриновича, психологию религии следует рассматривать как социально-психологическую дисциплину, в отличие от буржуазных исследователей, которые приписывали ее к общей психологии. Поэтому и методология предлагается скорее социально-психологическая. Угринович подчеркивает: «Следует четко различать два вопроса: вопрос о существовании физиологических основ религиозных верований и переживаний, т. е. любых феноменов религиозного сознания, и вопрос о том, существуют ли физиологические структуры, центры или процессы, специфичные для верующих, т. е. существуют ли генетические, физиологические центры религиозной психики. Если на первый вопрос, в полном согласии с материалистическими основами марксистской психологии, мы отвечаем положительно, то научный ответ на второй вопрос может быть только отрицательным. Сейчас не только теоретически, но и экспериментально доказано, что никакие идеи, представления и верования не наследуются человеком генетически и, следовательно, нет никакого врожденного “религиозного инстинкта”, “религиозного чувства” и т. п. Законы функционирования физиологических структур и процессов в коре головного мозга общи всем людям, независимо от их мировоззрения или отношения к религии, независимо от того, являются ли их представления о мире истинными или ложными.

Итак, на уровне физиологии высшей нервной деятельности невозможно выявить психологические особенности верующих, отличающие их от неверующих»¹⁴.

Наконец, новая тема, появившаяся в 1960-е гг., — психологические корни религии. Насколько можно судить, раньше говорили только о социальных корнях (которые в социалистическом обществе подорваны, но не истреблены) и гносеологических корнях. Похоже, что саму идею о психологических корнях выдвинул К. К. Платонов, а Д. М. Угринович и другие авторы эту идею поддержали, хотя и существенно отредактировали. Так, Д. М. Угринович пишет: «Главное здесь состоит в выявлении общих психических состояний личности, которые накладывают отпечаток на протекание всех ее психических процессов, на ее поведение в обществе, на выбор ею той или иной системы ценностных ориентаций. Устойчивые константные психические состояния, если в них преобладают отрицательные настроения — пассивность, апатия, нерешительность, и составляют социально-психологический фон, благоприятствующий приобщению к религии, формированию религиозной веры»¹⁵.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что и в тех узких рамках, в которых “оттепель” позволила развивать психологию религии, было сделано немало ценного и интересного. Пристальный интерес советских религиоведов к теме психологии религии в основном приходится на период с 1965 по 1971 г. Именно в это время выходит в свет большинство публикаций по данной тематике¹⁶.

¹⁴ Угринович. Психология религии... С. 9.

¹⁵ Там же. С. 25.

¹⁶ В составленной нами библиографии по советской психологии религии из 200 работ всего полтора десятка работ написаны за пределами указанного временного интервала — это работы М. Поповой, Д. М. Угриновича, В. Н. Щердакова и некоторых других.

Своеобразным итогом этой работы становится изданный по итогам первой Всесоюзной конференции по психологии религии сборник «Вопросы научного атеизма». Ни сама конференция, ни упомянутый сборник не имели в дальнейшем масштабного продолжения¹⁷. Большинство авторов «переключились» на проблемы социологии религии и отошли от изучения вопросов психологии религии. На наш взгляд, такая «смена вех» в истории отечественного религиоведения нуждается в дальнейшем пристальном изучении. Возможно, столь недолгая история советской психологии религии была связана с усвоением научной элитой каких-то новых идеологических установок, которые привели к охлаждению «попынью» психологии религии.

Ключевые слова: история религиоведения, оттепель, СССР, психология религии.

Список литературы

- Бурлацкий Ф. После Сталина: Заметки о политической оттепели // Новый мир. 1988. № 10. С.
- Начала христианской психологии: Учеб. пособие для вузов / Б. С. Братусь, В. Л. Воейков, С. Л. Воробьев, ред. М., 1995.
- Пихоя Р. Медленно тающий лед (март 1953 — конец 1957 г.) // Международный исторический журнал. 2000. № 7. С.
- Платонов К. К. Психологические корни религии // Вопросы научного атеизма. М., 1971. Вып. 11. С. 29–42.
- Угринович Д. М. Атеистическое воспитание и преодоление религиозной психологии // Вопросы философии. 1961. № 4. С.
- Угринович Д. М. О предмете психологии религии и ее месте в системе наук // Вопросы научного атеизма. М., 1971. Вып. 11. С. 9–28.
- Угринович Д. М. Психология религии. М., 1986.
- Угринович Д. М. Философские проблемы критики религии. М., 1965.
- Шахнович М. И. «О «психо-аналитическом методе» изучения первобытной религии (По поводу статьи А. А. Попова) // Советская этнография. 1958. № 5. С. 71–76.
- Huhn U. Die Wiedergeburt der Ethnologie aus dem Geist des Atheismus. Zur Erforschung des «zeitgenössischen Sektierertums» im Rahman von Chruscevs antireligiöser Kampagne // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2016. Bd. 64. S. 260–298.

¹⁷ Само название конференции указывало на надежду дальнейших встреч и работы в данном направлении.

SOVIET PSYCHOLOGY OF RELIGION IN 1960–1970S: MARGINALIA

E. OREL

This essay is devoted to the history of the establishing psychology of religion in the USSR. The author concentrates on the analysis of the historical, social, ideological context. Namely the analysis of these particular circumstances in early 1960s when native humanity thinkers turned to the subject of psychology of religion. Particular emphasis is given to the importance of so called Khrushchev's thaw for formation and development of this research area. The key metaphor is seeing the psychology of religion as air hole among the cold ice of the Soviet dictatorship. The author gives a description of the main subjects and topics in the psychology of religion in 1960–1970s. Ideological interpretation of the importance of psychology of religion in the Soviet science is provided from D. Ugrinovich's works. It's supposed that as a natural result of the change of the ideological background in the early 1970s caused the refusal of most of the authors to research this area and turning to problems of sociology of religion.

Keywords: history of religious studies, «Khrushchev's thaw», psychology of religion, USSR.

References

- Bratus' B. S., Voejkov V. L., Vorob'ev S. L., eds., *Nachala hristianskoj psihologii. Uchebnoe posobie dlja vuzov*, Moscow, 1995.
- Burlacskij F., "Posle Stalina. Zametki o politicheskoj ottepeli", in: *Novyj mir*, 1988, 10.
- Huhn U., "Die Wiedergeburt der Ethnologie aus dem Geist des Atheismus. Zur Erforschung des "zeitgenössischen Sektierertums" im Rahmen von Chruschevs antireligiöser Kampagne", in: *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 64, 2016, 260–298.
- Pihoja R., "Medlennotajushhijled (mart 1953 — konec 1957 g.)", in: *Mezhdunarodnyj istoričeskij zhurnal*, 7, 2000.
- Platonov K. K., "Psichologičeskie korni religii", in: *Voprosi nauchnogo ateizma*, 11, 1971, 29–42.
- Shahnovich M. I., "O "psiholo-analitičeskom metode" izučeniya pervobytnoj religii (Po povodu stat' I A. A. Popova)", in: *Sovetskaja etnografija*, 5, 1958, 71–76.
- Ugrinovich D. M., "Ateističeskoe vospitanie i preodolenie religioznoj psihologii", in: *Voprosy filosofii*, 1961, 4.
- Ugrinovich D. M., *Filosofskie problem kritiki religii*, Moscow, 1965.
- Ugrinovich D. M., "O predmete psihologii religii i ee meste v sisteme nauk", in: *Voprosi nauchnogo ateizma*, 1971, 11, 9–28.
- Ugrinovich D. M., *Psichologija religii*, Moscow, 1986.